

Первородный грѣхъ и социальное творчество

I.

Нѣтъ такой истины и правды, которой бы человѣкъ не могъ воспользоваться для поддержанія лжи и неправды. Нелѣпа и бессмысленна идея существованія классовой истины, но безспорно существованіе классоваго искаженія истины, классовой лжи. Ученіе о первородномъ грѣхѣ есть неотрывная часть христіанскаго откровенія и великая истина о человѣческой природѣ. Но этимъ ученіемъ страшно злоупотребляли въ исторіи христіанства, и злоупотребленіе это само было выраженіемъ грѣха. Ссылкой на грѣховность человѣческой природы возражали противъ социальныхъ реформъ, осуществляющихъ въ жизни христіанскую правду, противъ социальнаго творчества, защищали рабство и насиліе. Въ консервативныхъ христіанскихъ кругахъ стало банальнымъ осужденіе всякаго стремленія къ болѣе справедливому и свободному общественному строю, какъ основанному на ложномъ ученіи Ж. Ж. Руссо объ естественной благодности человѣка. И эти ссылки на руссоизмъ дѣлались въ умственную эпоху, въ которую никто уже руссоизма не защищалъ. Не Маркса же обвинять въ руссоизмъ? Для Маркса человѣческая природа была скорѣе сатанической, чѣмъ благодной. Можно подумать, что мы все еще находимся въ эпоху столкновенія міросозерцанія Жозефа де Местра съ міросозерцаніемъ Ж. Ж. Руссо. Но съ точки зрѣнія этого столкновенія социализмъ и коммунизмъ К. Маркса ближе къ Жозефу де Местру, чѣмъ къ Ж. Ж. Руссо. Ученіе о первородномъ грѣхѣ и переживаніе ужаса гибели породили духовный терроръ и оправдывали обскурантизмъ. Я помню, какъ на одномъ собраніи въ Москвѣ, въ которомъ обсуждался вопросъ о расширеніи программы преподаванія наукъ философскихъ и сравнительной исторіи религіи въ духовныхъ ака-

деміахъ, епископъ ярко выраженнаго аскетически-монашескаго типа, тогда ректоръ духовной академіи, сказалъ: что наука, зачѣмъ наука, когда вопросъ идетъ о спасеніи и гибели для вѣчной жизни. Никакое культурное и социальное творчество невозможно при міросозерцаніи и мироощущеніи цѣликомъ опредѣляющемся ужасомъ гибели и жаждой личнаго спасенія. На этой почвѣ рождается желаніе увеличить не свои только страданія, но и страданія другихъ людей для ихъ спасенія. И если накормить голоднаго, посѣтить больного и заключеннаго въ тюрьмѣ продолжаютъ считать абсолютнымъ евангельскимъ предписаніемъ, то исключительно для личнаго спасенія, для борьбы съ собственнымъ грѣхомъ. Если социальный строй создаетъ для людей стѣсненія и страданія, то это признается полезнымъ для дѣла ихъ спасенія. Болѣе же свободный, справедливый, и обезнечивающій жизнь социальный строй признается опаснымъ для дѣла спасенія, затрудняющимъ борьбу съ грѣхами. Испугъ и ужасъ передъ грѣхомъ стоитъ на путяхъ творческаго реформирования и преобразования социальной жизни, какъ величайшее психологическое препятствіе. При такомъ сознаніи социальный вопросъ исчерпывается вопросомъ о благотворительности, благотворительности же есть «добрыя дѣла», помогающія личному спасенію. Не только стремленіе къ благу въ жизни общественной, но и стремленіе къ правдѣ, къ самой христіанской правдѣ пресѣкается мыслью о грѣхѣ, о гибели и спасеніи, какъ единомъ на потребу. Въ земной жизни ничего творить не стоитъ и не должно, хотя бы самого благого и цѣннаго, ибо единственное важное, — спастись отъ грѣха и гибели. Всякое творчество, всякое благо и цѣнность все равно будутъ искажены грѣхомъ. Социально возможно и допустимо лишь охраненіе вѣками сложившагося строя жизни, который долженъ быть принятъ въ порядкѣ духовнаго смиренія и послушанія, какъ ниспосланный свыше. Какъ будто бы вѣками сложившійся строй не былъ когда-то созданъ усиліями людей, пожелавшихъ измѣненія, и не смѣнилъ собой предшествующій ему строй, противъ котораго велась борьба! Изъ ученія о первородномъ грѣхѣ и изъ связанной съ нимъ аскетической метафизики выводятъ исключительно сотеріологическій планъ христіанской жизни. Единственная цѣль жизни, — спасеніе отъ грѣха и вѣчной гибели. Хорошо все, что этому способствуетъ. Плохо все, что этому

мѣшаетъ. Самый рабскій и несправедливый социальный строй можетъ способствовать дѣлу спасенія ужь потому, что порождаетъ страданія и противоположенъ прельщенія и соблазнамъ земнаго блаженства. Болѣе же свободный и справедливый социальный строй можетъ мѣшать дѣлу спасенія, прельщая и соблазняя земными благами. Въ этомъ есть, хотя и искаженная, но несомнѣнная доля христіанской правды, ибо человѣкъ легко забываетъ о Богѣ и вѣчной жизни, прельщаясь и плѣняясь благами временной земной жизни. Но плохо то, что аргументируютъ идеей первороднаго грѣха и ужасомъ гибели противъ социальнаго улучшенія и социальнаго творчества въ большинствѣ случаевъ тѣ, которые принадлежатъ не къ социально обездоленнымъ и страдающимъ, а къ социально привилегированнымъ группамъ, пользующимся всѣми социальными благами. Парадоксально выходитъ даже, что они принуждены болѣе думать о спасеніи для вѣчности другихъ, обездоленныхъ и несчастныхъ, чѣмъ о своемъ собственномъ спасеніи, ибо сами принуждены жить въ социальныхъ условіяхъ, порабощающихъ ихъ всѣмъ земными благами. Они вспоминаютъ о спасеніи для вѣчной жизни преимущественно въ тѣ минуты, когда нужно отстаивать социальный строй, который для обездоленныхъ и несчастныхъ не оставляетъ никакихъ надеждъ кромѣ надежды на жизнь небесную. Поэтому аргументація эта въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ лжива и лицемерна. Какъ говорилъ пламенный католикъ-апокалиптикъ Леонъ Блуа, Господь Богъ сталъ особенно декоративенъ въ лавкахъ, въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ. Эта аргументація страданіями и стѣсненіями, какъ полезными для борьбы съ грѣхомъ и для достиженія спасенія, была особенно фальшива и лжива въ условіяхъ капиталистическаго строя, гдѣ фабричныя рабочіе сплосъ и рядомъ находились въ положеніи, въ которомъ страданія являлись страданіями къ смерти, а не къ жизни, страданіями, ведущими къ духовной гибели, а не къ спасенію Тотъ противоположенный фактъ, что христіане и іерархи церкви защищали богатыхъ и сильныхъ противъ бѣдныхъ и слабыхъ, отравилъ сердца рабочихъ ядомъ атеизма и внушилъ убѣжденіе въ реакціонномъ и буржуазномъ характерѣ христіанства.

Исключительно сотеріологическое міросозерцаніе понимаетъ спасеніе всегда, какъ спасеніе личное, никогда не

спасеніе соціальное. Тутъ мы встрѣчаемся съ явнымъ противорѣчіемъ quasi-христіанской аргументаціи, основанной на идеѣ первороднаго грѣха. Заслуживаетъ глубокаго уваженія аскетико-мистическая точка зрѣнія, которая требуетъ ухода изъ грѣшнаго міра и исключительной отдачи всѣхъ своихъ силъ внутреннему духовному дѣланію, богообщенію и богосозерцанію. Это есть переживаніе личнаго, а не всемірно-историческаго апокалипсиса. Это очень серьезная, глубокая, подлинно-духовная точка зрѣнія, единственно послѣдовательная, если понимать христіанство, какъ религію личнаго спасенія для вѣчной жизни. Въ этой точкѣ зрѣнія есть вѣчная христіанская правда, хотя и неполная, и въ ней нѣтъ ничего соціальнаго. Никто не можетъ извлечь изъ нея никакихъ соціальныхъ выгодъ, она свободна отъ всякаго утилитаризма. Но аргументація, возстающая противъ всякаго соціальнаго творчества и всякаго усилія осуществить соціальную правду на основаніи ученія о первородномъ грѣхѣ, носитъ вполне соціальныя характеръ, она совсѣмъ не обращена на духовную жизнь личности, она борется за извѣстный соціальныя строй, за земныя блага. Въ этомъ ея внутренняя порочность. Это оказывается міросозерцаніемъ, въ дурномъ смыслѣ очень соціальнымъ и связывающимъ христіанство непременно съ извѣстными политическими и соціальными формами, хотя христіанство и считается исключительно религіей личнаго спасенія. Съ точки зрѣнія внутренней духовной жизни и личнаго спасенія для вѣчности совершенно не важно, будетъ ли въ Россіи священная монархія и священная частная собственность или коммунизмъ, тоже вѣдь по своему «священный». Мы видимъ даже, что духовная жизнь подлинныхъ христіанъ въ коммунистическомъ строѣ качественно возрасла и усилилась, а вѣдь въ христіанствѣ важнѣе всего качество. Что же касается стѣсненій и страданій, полезныхъ для борьбы съ грѣхомъ и спасенія души, то коммунистическій строй порождаетъ ихъ въ максимальномъ количествѣ. Поэтому совершенно непонятно, какія возраженія съ этой точки зрѣнія могутъ быть сдѣланы противъ коммунистическаго строя, если не считается съ тѣмъ совершенно «личнымъ» соображеніемъ, которое вызывается перемѣной ролей «обездоленныхъ» и «привилегированныхъ». Не все ли равно, что теперь помѣщики и фабриканты будутъ поставлены въ болѣе благоприятныя условія для дѣла ихъ спасенія, переживая вся-

кія стѣсненія и страданія, а рабочіе и крестьяне въ положеніе менѣе благоприятное, переживая великіе соблазны и прельщенія земными благами и земной властью. Съ духовной и вѣчной точки зрѣнія одно другого стоитъ. Очевидно нужно стать на какую-то объективную точку зрѣнія, чтобы совершать соціальныя оцѣнки. И старый, дореволюціонный соціальный строй, и новый коммунистическій строй одинаково плохи съ точки зрѣнія соціальной правды, хотя и тогъ и другой одинаково могутъ породить страданія, благоприятныя для личнаго спасенія. Невозможно и недопустимо соціальное устройство, въ основаніе котораго будетъ положено увеличеніе количества страданій. Съ точки зрѣнія личнаго спасенія христіанское сознаніе никогда не могло построить никакого соціального идеала и совершить соціальныя оцѣнки, имѣющія объективную значимость. Идея спасенія пріобрѣтаетъ свою специфичность и остроту въ перспективѣ личной судьбы. Въ перспективѣ судьбы соціальной и космической она превращается въ идею преображенія. Предѣльная, конечная идея христіанства есть идея соціального и космическаго преображенія, т. е. идея Царства Божьяго.

Попиманіе христіанства, какъ религіи личнаго спасенія, никогда не было полнотой христіанской истины, а лишь однимъ изъ теченій въ христіанствѣ. Аскетически-монашеское пониманіе христіанства, антисоціальное и вмѣстѣ съ тѣмъ соціально использованное тѣми, кому это оказалось выгодно, противорѣчитъ евангельскому благовѣстію о наступленіи Царства Божьяго, противорѣчитъ мессіанской идеѣ христіанства, противорѣчитъ пророчествамъ, духу апостольскому, духу первохристіанства, традиціямъ греческой патристики. Откровеніе Царства Божьяго имѣетъ соціальную и космическую сторону и требуетъ преображенія всего міра, всей твари, оно не соединимо съ религіознымъ индивидуализмомъ и съ заботой исключительно о собственной душѣ. Религіозный индивидуализмъ, антисоціальный, антикультурный и антикосмическій, запрещающій думать о чемъ-либо кромѣ личнаго спасенія, трансцендентный эгоизмъ есть извращенное порожденіе аскетической литературы, по преимуществу сирійской, извѣстнаго ограниченнаго періода въ исторіи христіанства. Эта тенденція въ Византіи и Россіи опиралась главнымъ образомъ на «Добротолубіе», въ которомъ собраны отрывки аскетической святоотеческой литерату-

ры, къ тому же съ исключеніемъ мистической стороны. Проводникомъ этой традиціи въ Россіи XIX вѣка былъ епископъ Теофанъ Затворникъ, очень плодовитый церковный писатель. Многимъ эта традиція представлялась единственнымъ подлиннымъ, единственнымъ ортодоксальнымъ православіемъ. Но это было страшное оскотленіе христіанства, угашеніе и умерщвленіе духа пророческаго и месіанскаго. Вся русская творческая религіозная мысль XIX вѣка была протестомъ противъ такого пониманія христіанства, вся она была метафизически социальна и космична, проникнута исканіемъ Царства Божія и увованіемъ на преображеніе міра и космическое воскресеніе. И поразительно, что пониманіе христіанства въ духѣ религіознаго индивидуализма и трансцендентнаго эгоизма, исключаящее всякія социальныя и космическія перспективы, совсѣмъ не благопріятно для духовной свободы и творчества личности. Наоборотъ, личность при этомъ оказывается подавленной, ея духовная свобода стѣсненной, ея своеобразіе признано грѣховнымъ. Парадоксъ тутъ въ томъ, что этотъ типъ религіознаго міросозерцанія совсѣмъ не есть персонализмъ, наоборотъ, это есть насквозь въ дурномъ смыслѣ социальное міровоззрѣніе, авторитарно-социальное, не допускающее социальнаго творчества личности, но подчиняющее все существованіе личности религіозно-социальнымъ нормамъ и законамъ, голосу социальной обыденности.

Аскетическая метафизика личнаго спасенія отрицаетъ не только реальность общества и космоса, но въ концѣ концовъ уничтожаетъ и человѣка, не признаетъ цѣнность человѣческаго и означаетъ моноэзистскій уклонъ. Это есть ересь, сумѣвшая принять формы крайней ортодоксіи. Впрочемъ, нужно сказать, что крайняя и изстудленная ортодоксія всегда есть ересь, ибо ересь и есть нарушеніе гармонической полноты. Всякое оскотленіе христіанства есть ересь (въ единственномъ достойномъ и серьезномъ смыслѣ слова). Антисоциальное, антикосмическое и античеловѣческое пониманіе христіанства сталкивается непримиримо съ самой сущностью христіанскаго откровенія, — съ боговоплощеніемъ, черезъ которое трансцендентное божественное дѣлается имманентнымъ твари, какъ сталкивается и съ благой вѣстью о Царствѣ Божьемъ и съ призывомъ къ совершенству, подобному совершенству Отца Небеснаго. Искаженная и извращенная интерпрета-

ція христіанства отражала тотъ фактической дуализмъ перспективъ личнаго спасенія для вѣчности и соціально-го и космическаго улучшенія и преобразования во времени, которымъ жилъ христіанскій міръ въ теченіе ряда вѣковъ. Соціальное и культурное улучшеніе и преобразование жизни въ христіанскомъ мірѣ происходило, творчествомъ челоуѣка себя обнаруживало, несмотря ни на какіе аскетическіе запреты, но все это было контрабандой съ точки зрѣнія религіи личнаго спасенія, не нужно и даже вредно для нея, религіозно не оправдано. Дуализмъ спасенія и творчества, спасенія и преображенія, личнаго духовнаго устройства и устройства соціально-космическаго, заложенъ очень глубоко въ историческомъ христіанствѣ, но въ XIX и XX вѣкѣ оны принялъ формы непереносимыя для религіозной совѣсти. И особенно остро переживается этотъ дуализмъ въ православіи. Быть можетъ именно потому, что вопросъ о соціальномъ творствѣ былъ наименѣ поставленъ и наименѣ рѣшенъ въ православіи, русская христіанская мысль XIX вѣка наиболѣе остро его ставила и наиболѣе мучительно его переживала. Единственное соціальное ученіе, выставленное православіемъ въ прошломъ, было ученіе о самодержавной монархіи, на которую возлагалось всякое соціальное дѣйствіе. Идея священной самодержавной монархіи была коррелятивна аскетической метафизикѣ личнаго спасенія. Западное христіанство всегда было соціальнѣе восточнаго. Католическая Церковь очень соціальна и соціальнымъ ея характеромъ опредѣлялись даже ея догматическія особенности. И средневѣковая католическая Церковь была соціальна въ болѣе узкомъ смыслѣ слова и имѣла свою систему рѣшенія соціального вопроса. Въ XIX и XX вѣкахъ католичество создало свои формы соціального движенія и свой католическій соціализмъ. Въ другихъ формахъ соціально-активенъ былъ и протестантизмъ, особенно кальвинизмъ, наиболѣе соціальная форма протестантизма. Протестантское ученіе о призваніи (*Vocatio*) было соціальное ученіе, обосновывающее соціальное дѣйствіе и творчество. Ни католическую, ни протестантскую форму постановки и рѣшенія соціального вопроса нельзя признать радикальной и удовлетворительной. Но все-таки и католичество и протестантизмъ имѣли свои рѣшенія вопроса о соціальной активности и соціальномъ творствѣ челоуѣка. Въ православіи такихъ рѣшеній не было. Вопросъ о бѣдныхъ вообще, конечно, су-

ществовалъ для православнаго сознанія, но онъ рѣшался исключительно благотворительностью. Отсталость церковнаго сознанія въ отношеніи къ социальнымъ процессамъ, происходящимъ въ человѣческомъ обществѣ, выражается въ томъ, что и до сихъ поръ люди церковнаго сознанія думаютъ, что социальный вопросъ есть вопросъ о помощи бѣднымъ и благотвореніи, т. е. о «добрыхъ дѣлахъ», благопріятныхъ для спасенія души. Это связано съ отсутствіемъ того сознанія, что существуетъ не только личный возрастъ христіанина, но и социальный, историческій возрастъ христіанства, не только личное спасеніе, но и спасеніе социальное, спасеніе общества, которое тоже есть онтологическая реальность. Существуетъ всеобщая виновность и отвѣтственность всѣхъ за всѣхъ. Абсолютный приматъ, который принадлежитъ внутреннему духовному устроению личности, этимъ сознаніемъ нисколько не затрагивается. Возрожденіе общества невозможно безъ духовнаго возрожденія личности. Но возрожденіе общества есть самостоятельная творческая задача, стоящая передъ духовно возрожденной личностью. И она совѣсть не можетъ быть рѣшена въ порядкѣ личнаго благотворенія. Говорятъ: плохи люди, а не учрежденія, нужно, чтобы люди стали лучше, грѣховность людей извращаетъ и искажаетъ всякое учрежденіе. Это, вѣрно, но это истина неполная, которая легко можетъ быть превращена въ ложь. Личность и общество коррелятивны и находятся въ постоянномъ взаимодействіи и взаимовліяніи. Измѣненія неизбежно происходятъ не только въ личности, но и въ обществѣ, и измѣненія эти неизбежно затрагиваютъ жизнь личности, которая не можетъ быть изолирована отъ жизни общества. Это совершенно элементарная истина, о которой почти неловко напоминать. Но она не проникла достаточно въ христіанское сознаніе. Съ точки зрѣнія христіанской этики должнымъ нужно признать такое соотношеніе между личностью и обществомъ, при которомъ личная нравственная совѣсть, имѣющая божественный источникъ, опредѣляетъ собой социальную жизнь, а не социальная жизнь опредѣляетъ собой нравственную совѣсть. Но нравственная совѣсть не можетъ не болѣть объ устроеніи социальной жизни согласно правдѣ и не можетъ чье требовать активности отъ личности. Въ католичество дUALИЗМЪ, раздвоявающій христіанское сознаніе, былъ смягченъ еще въ средневѣковьи св. Томой Аквинатомъ, ко-

торый возродилъ «натуральное» и далъ ему мѣсто въ христіанской жизни, — натуральную разумную философію, натуральную мораль, натуральное право. Онъ ослабилъ послѣдствія ученія о первородномъ грѣхѣ и сдѣлалъ возможнымъ оправданіе культуры. Въ православіи социальное и космическое преображеніе и просвѣтлѣніе было отодвинуто въ эсхатологическую перспективу. Эсхатологическое ожиданіе Града Божьяго было коррективомъ пониманія христіанства, какъ религіи личного спасенія. И это создавало большія трудности для социальнаго и культурнаго гворчества.

II.

Какіе же конкретные социальныя выводы дѣлались изъ ученія о первородномъ грѣхѣ? К. Леонтьевъ, по свойственному ему радикализму мышленія, обострилъ до крайности связанный съ этимъ парадоксъ. Ортодоксальное христіанство, въ которое онъ укрывался отъ своего природнаго язычества, есть для него исключительно религія личного спасенія, трансцендентнаго страха и трансцендентнаго эгоизма. Онъ сознательно утверждалъ непреодолимый дуализмъ. Такъ какъ міръ во злѣ лежитъ, такъ какъ челоувѣческая природа грѣховна, такъ какъ христіанскія пророчества не предсказываютъ торжества правды и любви на землѣ, то къ осуществленію правды, къ социальному излученію любви не должно и даже дурно стремиться, то хорошо и согласно съ христіанской вѣрой, чтобы въ социальной жизни, въ строѣ общества была неправда, несправедливость, принужденіе, зло. Зло въ социальной жизни даже необходимо, какъ оправданіе христіанскаго ученія о первородномъ грѣхѣ и христіанскихъ пессимистическихъ пророчествъ. Правда пророчествъ будетъ нарушена осуществленіемъ правды въ социальной жизни. Единственное возможное осуществленіе правды въ жизни есть личная аскеза и святость. Но въ дѣйствительности за христіанскимъ парадоксомъ К. Леонтьева скрываются безсознательно инстинкты иного порядка. Онъ любилъ міръ и культуру, какъ язычникъ и челоувѣкъ Возрожденія XVI вѣка, любилъ сложное цвѣтеніе жизни, любилъ натуральной, не облагодатствованной, не христіанской любовью, былъ плѣненъ красотой міра и былъ убѣжденъ, что при сохраненіи социальной неправды, несправедливости и стѣс-

ненности сохранится болѣе цвѣтушая, болѣе прекрасная, болѣе аристократическая культура. Его преслѣдовали и подавляли призракъ уродства либерально-эгалитарнаго, демократическаго прогресса, и онъ боролся противъ него не только, какъ апокалиптикъ, но и какъ эстетъ. Правда въ жизни личной была для него святостью, и она прекрасна, правда въ жизни социальной была для него сѣрымъ земнымъ раемъ, и она уродлива, въ ней гибнуть всѣ цѣнности. Тутъ дано было К. Леонтьеву что-то очень остро почувствовать и предчувствовать. Осуществленіе социальной правды, реализація совершеннаго общества можетъ оказаться плѣнностью царствомъ міра сего. Это сознавалъ К. Леонтьевъ и объ этомъ пророчествовалъ Достоевскій. Но если съ христіанской точки зрѣнія есть живая плѣнность «міромъ» въ социальныхъ утопіяхъ совершеннаго социального строя на землѣ, то такая же живая плѣнность «міромъ» есть въ охраненіи царства, основаннаго на неправдѣ и рабствѣ. Возможно, что рабочіе создадутъ сѣрый земной рай безъ Бога, антихристово царство міра сего. Но отсюда не слѣдуетъ, что рабочія массы нужно держать въ рабствѣ и не допускать насильственными мѣрами ихъ исторической активности и ихъ пріобщенія къ культурѣ. Въ такой точкѣ зрѣнія нѣтъ ничего христіанскаго и это есть самый безнадежный способъ борьбы съ духомъ антихриста. Такъ какъ раньше или позже рабочія массы все равно прорвутся, то остается лишь бороться за ихъ духовное облагораживаніе, и отстаивать въ новомъ, рабочемъ и трудовомъ строѣ права аристократіи качествъ противъ власти количествъ, противъ господства сѣраго мѣщанства. Скоро наступитъ время, и уже наступаетъ, когда социальный вопросъ станетъ прежде всего вопросомъ о духовномъ, культурномъ и религиозномъ состояніи рабочихъ массъ, идущихъ къ господству. Мало кто рѣшится такъ смѣло и радикально выразить парадоксъ о социальномъ добрѣ и злѣ, какъ это дѣлалъ К. Леонтьевъ, по что-то Леонтьевское есть во всемъ традиціонномъ, ортодоксально-христіанскомъ отношеніи къ проблемѣ социальной. На этомъ же стоялъ и К. Побѣдоносцевъ, хотя ему совершенно чужды были Леонтьевскій эстетизмъ, Леонтьевская языческа я любовь къ творчеству прекрасной культуры. Въ официальной культурѣ ортодоксіи это выливалось не въ форму эстетизма и не въ форму апокалиптическихъ предчувствій, а въ форму чуждаго и

сѣраго морализма, требующаго прежде всего послушанія. Неосознанный парадоксъ этого морализма заключался въ томъ, что послушаніе требовалось не только въ отношеніи къ добру, но и въ отношеніи къ злу. Смиряться и передъ зломъ, передъ неправдой и несправедливостью, и этимъ заслужишь себѣ Царство Небесное. Константинъ Леонтьевъ по крайней мѣрѣ требовалъ смиренія передъ красотой, во имя красоты нужны жертвы, насилія и несправедливости, и въ этомъ онъ походилъ на Ницше. Но социальная обыденность, которую хотѣла охранить официальная ортодоксія, никогда красотой не интересовалась.

Творчество въ христіанскомъ мірѣ никогда не было оправдано съ точки зрѣнія спасенія, оно или отрицалось, или терпѣлось благодаря коррективамъ, которые вносятъ дуализмъ. Соціальное реформированіе и улучшеніе не оправдывалось, потому что грѣховная природа человѣка не допускаетъ совершенства жизни, и строй жизни, основанный на большей правдѣ, вреденъ для дѣла спасенія. Полезно для спасенія терпѣніе и страданіе. Всякій освободительный социальный и культурный процессъ опасенъ, онъ ослабляетъ чувство первороднаго грѣха, даетъ свободу грѣховнымъ страстямъ, ведетъ человѣка широкимъ, а не узкимъ путемъ. Узкій путь предполагаетъ стѣсненіе, и только стѣсненіе благоприятно для спасенія. Въ этомъ была бы христіанская правда, если бы она не была совершенно искажена тѣмъ, что широкій, не стѣсненный путь оказывался раскрытымъ для тѣхъ привилегированныхъ социальныхъ слоевъ, которые эту точку зрѣнія защищали, и онъ былъ закрытъ для обездоленныхъ социальныхъ слоевъ, которымъ отъ этой точки зрѣнія приходилось страдать. Къ аскезѣ подобаетъ принуждать себя, а не другихъ. Стѣсненіе предполагаетъ не только стѣсненные, но и стѣсняющихъ. Социальная неправда и несправедливость предполагаетъ существованіе творящихъ неправду и несправедливость. Существованіе зла, признаннаго полезнымъ для дѣла личнаго спасенія, предполагаетъ существованіе злыхъ, творящихъ зло. Зло можно считать непобѣдимымъ окончательно до конца міра, до преображенія міра, до новой земли и новаго неба. Но отсюда невозможно сдѣлать выводъ, что со зломъ не нужно бороться, и не нужно его преодолевать. Невозможно принципиально связать спасеніе души для вѣчной жизни съ необходимостью существованія неправды и несправедливости, съ охранені-

емъ творящихъ эту неправду и несправедливость. Въ зло, въ неправду, въ несправедливость входитъ также и погубленіе человѣческихъ душъ. И сами творяшіе неправду и несправедливость губятъ свои души. Отчего же и о нихъ не подумать? Кромѣ того защита социальной несправедливости христіанами губить души классовъ угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ, вызывая въ нихъ месть, злобу и безбожіе. Соціальный консерватизмъ пользуется двоякаго рода аргументами и этимъ запутывается проблема. Съ одной стороны онъ утверждаетъ извѣчность старыхъ устоевъ общества, видитъ въ нихъ правду и справедливость и неправду и несправедливость въ реформаціонныхъ или революціонныхъ носягательствахъ на нихъ. Но съ другой стороны, когда его убѣждаютъ въ неправдѣ и несправедливости нѣкоторыхъ изъ этихъ устоевъ, онъ начинаетъ аргументировать тѣмъ, что неправда и несправедливость необходимы и непреодолимы, и вслѣдствіе грѣховности человѣческой природы болѣе справедливый и совершенный строй не осуществимъ. Противъ социальныхъ реформъ, защищающихъ интересы трудящихся, возражаютъ то тѣмъ, что онѣ несправедливы, нарушая, напр., абсолютный принципъ собственности, то тѣмъ, что онѣ, хотя могутъ быть и справедливы, но уточичны и неосуществимы, такъ какъ человѣкъ грѣховенъ и золъ. Но между этими аргументами нужно выбирать, нельзя пользоваться разомъ и тѣми и другими аргументами, ибо такимъ образомъ обличается фальшь и неискренность аргументаціи. И наиболѣе несостоятельны аргументы противъ социальныхъ реформъ общества, основанные на грѣховности человѣческой природы. Мы увидимъ, что утопіи осуществимы, осуществимъ и коммунизмъ, и самъ грѣхъ возьметъ на себя переустройство человѣческаго общества, если правда не хочетъ себя осуществлять.

III.

Все творческіе процессы новаго времени ставятъ мучительную для христіанскаго сознанія проблему. Въ средніе вѣка христіанство по своему отстаивало социальную правду, творило красоту, изъ него раскрывалась утонченная философская мысль. Но въ новое время творчество въ наукахъ и въ искусствахъ, социальныя улучшенія и реформы

взяли на себя силы не христіанскія и даже антихристіанскія. Въ новое время христіанство начало бояться творческаго процесса жизни и пыталось остановить его. Церковь признавала и санкціонировала цѣлый рядъ положительныхъ завоеваній творческаго генія человѣка лишь послѣ длительного осужденія и сопротивленія. Такъ съ большимъ затрудненіемъ католическая Церковь признала Коперника и Галлилея, признала и многія освободительныя соціальныя реформы. Церковь же православная не высказала опредѣленно своего отношенія къ соціальнымъ и культурнымъ процессамъ, происходившимъ въ новой исторіи. Еще сравнительно недавно самый замѣчательный и одаренный изъ русскихъ іерарховъ, — митрополитъ Филаретъ, защищалъ крѣпостное право и ввелъ даже эту защиту въ свой катехизисъ, изъ котораго она была выброшена послѣ 61 года. Не христіане разрушали Бастилію, символъ безправія и рабства, отмѣняли жестокія наказанія, боролись противъ рабства и крѣпостнаго права, провозглашали свободу мысли и творчества, стремились къ улучшенію положенія трудящихся. Ортодоксальное христіанство находится въ состояніи испуга передъ жизнью. Испугъ же есть состояніе очень неблагоприятное для творческаго участія въ жизни. Испугъ или уводитъ изъ жизни или ставитъ жизни препятствія и задержки. Творческій жизненный процессъ представляется грѣховнымъ и уготовляющимъ царство антихриста. Проблема эта странно усложняется тѣмъ, что дѣйствительно многіе жизненные процессы современности, порожденные духомъ новой исторіи, грѣховны и уготовляютъ царство антихриста. Есть свобода, которая ведетъ къ рабству, есть творчество, которое ведетъ къ небытію, есть справедливое соціальное устройство, которое закрѣпощаетъ царству міра сего. Христіанское сознаніе совѣмъ не можетъ просто одобрить и санкціонировать «гуманистическій прогрессъ» новаго времени. Отношеніе къ нему можетъ быть лишь двойственнымъ и мечомъ разсѣкать въ немъ правое и неправое. Вл. Соловьевъ, который очень остро чувствовалъ самую проблему, но рѣшилъ ее слишкомъ упрощенно, предлагалъ просто признать въ гуманистическомъ прогрессѣ осуществленіе христіанской правды, которую не осуществляли сами христіане. Это вѣрно лишь на половину. Въ гуманистическомъ прогрессѣ было также ослабленіе духовности, побѣда времени надъ вѣчностью. по-

гопя за призрачными благами міра, обнаруживалась соблазненность и плѣненность духа «міромъ» въ дурномъ смыслѣ слова. «Свобода, равенство и братство», лишены своихъ духовныхъ основъ, оказывались призрачными и переходили въ свою противоположность. Но отсюда никакъ нельзя сдѣлать вывода, что христіане должны отрицать свободу и братство людей, должны защищать насиліе, рабство и небратскую рознь и вражду между людьми. Психологическая трудность связана тутъ съ необходимостью бороться на два фронта. И сейчасъ въ Европѣ можно услышать отъ консервативно и право настроенныхъ христіанъ, что масоны стремятся къ миру народовъ и прекращенію войнъ, что социалисты стремятся къ улучшенію положенія рабочихъ и увеличенію ихъ социальнаго бѣса, и потому они стоятъ за національную вражду и войну, за банкировъ и капиталистовъ, враждуютъ противъ идеи мира и противъ рабочаго класса. Въ этомъ обнаруживается грѣховная ограниченность человѣческой природы, ея малая вмѣстительность, ея склонность быть одержимой однимъ какимъ-либо аффектомъ, съ вытѣсненіемъ всѣхъ другихъ аффектовъ. Мышленіе человѣка искажено эмоціональностью, связанной съ социальной средой, которая наноситъ человѣку пораненія. И если съ какой-нибудь стороны человѣкъ получилъ пораненія, вызывающія въ немъ аффективную реакцію, то онъ не въ силахъ уже оцѣнить и то положительное, что на этой сторонѣ находится. На этомъ основаны оцѣнки, окрашенные аффектами революціонными или контръ-революціонными, классовыми или національными, а въ жизни религіозной аффектами конфессіональными. Если человѣкъ былъ раненъ социализмомъ, то онъ не въ силахъ признать правду рабочаго движенія, если у него есть тяжелая ассоціація, связанная съ католичествомъ, то онъ не въ силахъ понять и оцѣнить внутреннюю духовную жизнь католическаго міра, если революція тяжко ранила его и его близкихъ, то для него закрывается объективный смыслъ революціи и т. д. Христіане полны аффективными и эмоціональными реакціями, которыя засоряютъ ихъ совѣсть и мѣшаютъ свободѣ ихъ сужденія о процессахъ жизни. Очень рѣдко можно услышать дѣйствительно свободныя сужденія по существу. И вотъ приходится сказать, что сужденія значительной части христіанъ, преданныхъ своей церкви, о социальномъ преобразованіи общества и объ осуществле-

ни социальной правды не обнаруживают этой свободы и независимости, они опредѣляются отрицательными аффектами и бо́льшими ассоціациями. Въ этихъ сужденіяхъ обнаруживается такая же цѣлѣнность однимъ «міромъ», какъ въ сужденіяхъ «прогрессистовъ-гуманистовъ» обнаруживается цѣлѣнность другимъ «міромъ».

Христіане не пытались во имя Христа и Царства Божьяго осуществлять правду въ потнотѣ жизни и безсознательно искали оправданія своей лѣности и нерадѣнія, а иногда и корысти въ ученіи о грѣховности человѣческой природы. Это вызвало кризисъ христіанства. И нехристіане, антихристіане начали осуществлять правду на землѣ во имя блага человѣческаго, во имя гуманистической вѣры. Это «во имя» было живое, но въ самомъ дѣлѣ ихъ былъ элементъ человѣчности, который христіане должны были бы принять и освятить именемъ Христовымъ, ибо христіанство есть религія богочеловѣчества и въ немъ раскрывается высшая человѣчность. Но ортодоксальные христіане, справедливо обличая неправду гуманизма, какъ ложнаго міросозерцанія и ложной религіи, дѣлаются не рѣдко врагами самой человѣчности и защищаютъ то, что ниже человѣчности, а не выше ея, опускаясь до защиты звѣре-человѣчества вмѣсто Бого-человѣчества. Въ этомъ трагедія христіанства въ новой исторіи. Эта проблема справедливо мучила Вл. Соловьева, хотя онъ не всегда предвидѣлъ результаты безбожнаго гуманистическаго прогресса. Лишь въ «Повѣсти объ антихристѣ» напустила для него катастрофа сознанія. Въхристіанскій и антихристіанскій міръ, увлеченный социальнымъ строительствомъ безъ Бога, внутренне вырождается, претерпѣваетъ фатальную діалектику, гуманизмъ переходитъ въ отрицаніе человѣка, въ истребленіе личности и свободы. Мы это явленіе видимъ и въ послѣднихъ результатахъ современной механической цивилизаціи, и въ коммунизмѣ. Такъ съ противоположныхъ концовъ отрицается человѣкъ и человѣчность, и отрицаніе это есть послѣдствіе разрыва въ цѣлостной истинѣ о Богочеловѣчествѣ, невмѣщеніе полноты христіанскаго откровенія о Богочеловѣкѣ и человекѣ. Коммунизмъ является, какъ великое предупрежденіе христіанскому міру и напоминаніе объ неисполненной правдѣ. Когда христіане пользуются ученіемъ о первородномъ грѣхѣ для того, чтобы оправдать свое уклоненіе отъ осуществленія христіанской правды въ жизни, то они этимъ обна-

руживаютъ лишь свою собственную грѣховность, свою инерцію и свои корыстные интересы. Такое использованіе ученія о первородномъ грѣхѣ есть тяжкій грѣхъ. Но христіанская вѣра не учитъ стремиться къ грѣху. Коммунизмъ есть справедливая и провиденціальная кара христіанскаго общества за стремленіе увѣковѣчить грѣхъ въ соціальной жизни. Сознаніе грѣха должно вести къ улучшенію жизни, а никакъ не къ успокоенію на невозможности улучшенія. Власть денегъ въ капиталистическихъ обществахъ есть кристаллизація грѣха и созданіе грѣховныхъ фантазмовъ, управляющихъ жизнью вмѣсто реальностей. Противъ этой сатанической власти должна была бы возставать христіанская совѣсть. Тутъ въ коммунизмѣ есть несомнѣнная отрицательная правда, но искаженная новой неправдой.

Порочна и совершенно устарѣла та точка зрѣнія, которая возражаетъ противъ возможности демократіи или социализма ссылкой на грѣховность человѣческой природы. Я сейчасъ не буду входить въ обсужденіе вопроса о демократіи или социализмѣ по существу. Но хочу показать, что для критики демократіи и социализма нужно прибѣгать къ другимъ аргументамъ, чѣмъ аргументы, основанные на грѣховности человѣка. Христіанская вѣра дѣйствительно не допускаетъ возможности осуществленія совершеннаго строя жизни въ нашемъ времени на нашей старой землѣ. Наступленіе совершенной жизни есть наступленіе Царства Божьяго, побѣда надъ грѣхомъ и преображеніе міра. Безъ побѣды надъ грѣхомъ и смертью невозможно наступленіе совершенной жизни. Побѣда эта невозможна до конца міра и означаетъ конецъ міра. Никакой соціальный строй не побѣждаетъ смерти. Христіанство дѣйствительно враждебно всякому соціальному утопизму и ложной соціальной мечтательности, оно благоприятно соціальному реализму, видѣнію реальностей, различенію силъ добра и силъ зла. На почвѣ христіанства создавались свои утопіи. Такова утопія теократическая. Но теократическая утопія разрушена и процессомъ жизни и процессомъ мысли. И возвратъ къ ней невозможенъ. Утопія социалистическая, которую такъ же пытаются осуществить, какъ пытались осуществить утопію теократическую, дѣйствительно противоположна христіанскимъ надеждамъ и упованіямъ. Но эту противоположность совсѣмъ нельзя такъ формулировать, что социалистическая утопія неосу-

шествима вслѣдствіе христіанскаго ученія о грѣховности человѣческой природы. Можно было бы формулировать эту противоположность обратно: социалистическая утопія, въ своихъ основахъ противоположная христіанской идеѣ Царства Божьяго, ибо она предполагаетъ осуществить совершенную жизнь внѣшнимъ и принудительнымъ путемъ, безъ Бога, безъ свободы духа, безъ духовнаго перерожденія человѣка, можетъ оказаться осуществимой именно вслѣдствіе грѣховности человѣческой природы. Соціальный утопизмъ не только не считается съ свободой человѣка, но и принужденъ отрицать ее, онъ никогда не вливаетъ иррациональной стороны міровой жизни, связанной со свободой. Мы это видимъ уже въ утопіи совершеннаго государства Платона. Соціальный утопизмъ есть насильственная и абсолютная раціоналізація и регуляція жизни. И въ этомъ онъ противоположенъ христіанству, которое не допускаетъ абсолютизаціи соціальныхъ формъ, считается съ свободой человѣческаго духа, со свободой совѣсти, и потому не основываетъ своихъ упованій на принудительномъ осуществленіи добра. Но опытъ принудительнаго осуществленія добра, принудительной раціоналізаціи всей жизни возможенъ, и онъ будетъ означать не преодоленіе грѣха, онъ будетъ выраженіемъ грѣха, будетъ зломъ. Грѣхъ можетъ принять формы насильственнаго своего отрицанія. Соціализмъ, какъ утопія плохъ и противоположенъ христіанству совсѣмъ не потому, что онъ пытается осуществлять соціальную справедливость и улучшить положеніе труда, а потому, что онъ дѣлаетъ это, отрицая свободу духа и совѣсти, что онъ отрицаетъ личность человѣческую, и онъ плохъ лишь постольку, поскольку онъ отрицаетъ свободу духа и личность. Отсюда никакъ нельзя сдѣлать того логическаго вывода, что для христіанскаго сознанія капитализмъ лучше социализма и что христіане должны быть за капиталистовъ противъ рабочихъ. Нужно сдѣлать рѣшительное различеніе между социализмомъ, какъ революціонной антихристіанской утопіей, т. е. социализмомъ, претендующимъ стать новой религіей, и социализмомъ, какъ соціальной техникой, какъ реальнымъ соціальнымъ движеніемъ, направленнымъ къ улучшенію положенія труда и трудящихся, и къ реформированію общества въ направленіи болѣе соціальной правды. Соціализмъ въ формѣ коммунистической рѣшительно враждебенъ христіанству. И онъ можетъ быть осуществленъ

именно вслѣдствіе грѣховности человѣческой природы, онъ можетъ быть новымъ выраженіемъ грѣха и основать свое царство на грѣховныхъ инстинктахъ человѣка. Мы это и видимъ въ русскомъ опытѣ. Но даже коммунизмъ враждебенъ христіанству не экономической и политической своей стороною, которая можетъ быть нейтральна, а своимъ духомъ. Первохристіанство было коммунистично, но имѣло духъ, полярно противоположный современному коммунизму. Соціализмъ же не коммунистическій, реформаторскій, работающій надъ улучшеніемъ положенія труда и организаціей труда въ человѣческомъ обществѣ, всѣмъ не есть утопія совершеннаго строя жизни, побѣдившаго грѣхъ, онъ требуетъ лишь относительнаго улучшенія и онъ нисколько не противорѣчитъ христіанству своей соціальной стороною и даже болѣе съ нимъ согласенъ, чѣмъ капиталистическій буржуазный строй, извратившій іерархію цѣнностей и требующій поклоненія Мамонѣ. Соціализмъ враждебенъ христіанству, какъ міросозерцаніе, какъ лже-религіозное притязаніе. Но соціализмъ, какъ міросозерцаніе, разлагается, онъ то превращается въ коммунизмъ, то дѣлается буржуазнымъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ ему чуждъ духъ христіанскій, и въ томъ и въ другомъ случаѣ ослабляется духовность.

Мы безусловно вступаемъ въ эпоху, когда въ мірѣ побѣждаетъ социализирующая тенденція. Участіе въ социальномъ творествѣ совершенно немыслимо внѣ этой социализирующей тенденціи. Въ нѣкоторомъ частичномъ смыслѣ «соціализмъ» совершенно неизбеженъ въ судьбахъ человѣческихъ обществъ. Его можно духовно облагораживать, но его невозможно игнорировать и отрицать. И чѣмъ болѣе его игнорировать и отрицать, тѣмъ болѣе онъ будетъ неблагороденъ. Но по мѣрѣ того, какъ соціализмъ дѣлается болѣе обыденъ, повседневенъ и внѣдренъ въ буржуазную дѣйствительность, онъ теряетъ свой паѳосъ, идеологія его вывѣтривается. Паѳосъ есть еще въ коммунизмѣ, который живетъ вѣрой въ созданіе новой, не бывшей еще дѣйствительности — коллективнаго социальнаго организма, въ которомъ окончательно исчезнетъ человѣческая личность. Соціальный максимализмъ, поднимающійся надъ обыденностью и повседневностью, основанъ на смѣшеніи моментовъ религіозныхъ и социальныхъ, на абсолютизаціи социальнаго. Соціальный максимализмъ принципиально невозможенъ и есть ложная утопія и прельщеніе. Возможенъ

лишь религіозный максимализмъ. Но религіозный максимализмъ есть исканіе Царства Божьяго. Онъ не можетъ имѣть адекватнаго выраженія въ терминахъ какого-то совершеннаго социальнаго, экономическаго и политическаго строя. Соціальный строй всегда относителенъ и преходящъ, онъ относится къ средствамъ, а не цѣлямъ жизни. Соціализмъ возможенъ несмотря на грѣховность человѣческой природы и именно вслѣдствіе этой грѣховности, но лишь какъ относительное улучшение, какъ коррективъ того зла, которое стало невыносимымъ въ строѣ капиталистическомъ. Относительность и ограниченность социализма связаны съ тѣмъ, что онъ въ значительной степени опредѣляется зломъ, накопившимся въ капитализмѣ, что онъ плотъ отъ плоти и кровь отъ крови буржуазнаго міра. И смѣшно съ нимъ связывать не временныя улучшения, а достиженіе совершенства въ социальной жизни. Соціализация должна побѣдить непереносимыя формы социальнаго зла и неправды, т.е. связывать слишкомъ грѣховную волю, но по ту сторону ея относительныхъ достиженій открывается несоизмѣримо болѣе глубокая правда индивидуализаціи жизни. Соціализмъ есть дитя грѣха и онъ есть социальная правда для грѣховной воли, которая въ капитализмѣ ничѣмъ не сдержана и не связана. Если бы человѣческая природа не была грѣховна и человекъ не эксплуатировалъ человекъ, то социализмъ былъ бы не нуженъ и никакой правды въ немъ не было бы, то осуществилось бы братство во Христѣ.

Совершенно такъ же невозможно возражать противъ демократіи на томъ основаніи, что грѣховна человѣческая природа, и считать монархію вѣчной политической формой, единственной возможной при этой грѣховности. Въ чѣйствительности правильнѣе было бы сказать наоборотъ. Монархія въ ея принципиальной формѣ легко превращается въ утопію совершеннаго социальнаго и государственнаго строя. Такова и была русская самодержавная монархія въ ся идѣѣ, не въ практическомъ осуществленіи своемъ, конечно. Фактическая демократія, совсѣмъ не основанная обязательно на религіи Ж Ж Руссо, можетъ быть строемъ, наиболѣе соответствующимъ грѣховной человѣческой природѣ, и наиболѣе считающимся съ этой грѣховностью. Демократія совсѣмъ не есть утопія совершеннаго социальнаго строя, наоборотъ, она есть именно принципиально несовершенный строй, допускающій свободное

выраженіе самыхъ противоположныхъ и самыхъ грѣховныхъ направленій воли и идеологій. Демократіи въ мірѣ побѣждаютъ и черезъ нихъ проходятъ общества именно вслѣдствіе грѣховности, вслѣдствіе того, что не происходитъ духовное преображеніе и не достигается реальное духовное единство. Насильственно, принудительно этого духовнаго преображенія и единства достигнуть нельзя. Въ этомъ правда демократій, и противъ нихъ невозможно аргументировать ученіемъ о первородномъ грѣхѣ. Монархіи же все болѣе и болѣе дѣлаются утопіями и отношеніе къ нимъ перестаетъ быть реалистическимъ и становится романтическимъ, какъ раньше романтическимъ было отношеніе къ демократіи или къ социализму. Изъ ученія о первородномъ грѣхѣ дѣлается еще тотъ выводъ, что въ то время, какъ человѣкъ находится во власти грѣха, и потому воля его не можетъ быть предоставлена свобода выраженія, и изъявленія, носитель власти, іерархической чинъ, оказывается какъ-бы изъятымъ въ такомъ его качествѣ изъ-подъ власти первороднаго грѣха. Монархъ, министръ, полицейскій, генералъ, отецъ семейства, хозяинъ предприятия какъ человѣкъ, остается грѣховнымъ существомъ, но какъ іерархической чинъ, какъ начальство, онъ представляетъ волю справедливую, а не грѣховную, онъ борется противъ зли и грѣха. Это есть пессимистическое въ отношеніи къ человѣку міросозерцаніе, подозрительное и скептическое ко всему человѣческому, которое хочетъ организовать жизнь не на человѣческихъ качествахъ. Но возможно еще болѣе пессимистическое міросозерцаніе, совѣтъ не отрицающее грѣховности человѣческой природы, которое думаетъ, что іерархической чинъ и носитель власти не менѣе зараженъ грѣхомъ, чѣмъ обыкновенные люди, и что грѣхъ проникаетъ въ самую природу власти. Грѣховная похоть власти есть специфической грѣхъ всѣхъ іерархическихъ чиновъ въ мірѣ. И именно вслѣдствіе этой грѣховности нужно ограничивать начало власти. Всякая абсолютизація власти означаетъ отдачу человѣческихъ судебъ ея похоти и ея грѣху. Однимъ изъ величайшихъ соблазновъ въ исторіи христіанства было образование ученія, во которому благодать Божія дѣйствуетъ не на человѣческую свободу, не на человѣческую личность, а на іерархической чинъ, на носителя власти. Дѣйствіе благодати превращается въ охраненіе существующей власти и существующаго порядка. И всѣ попытки социального улуч-

шенія и освобожденія разсматриваются, какъ безблагодатныя. Такимъ образомъ утверждались ложныя и призрачныя теофаніи и слишкомъ человѣческое принималось за божеское. Съ чисто богословской точки зрѣнія ясно, что благодать не можетъ иначе дѣйствовать, какъ на свободу и черезъ свободу. Благодать, которая дѣйствовала бы не черезъ свободу и помимо свободы, была бы магической натуральной энергіей, она была бы не духовна и обращена не къ духу. Идея священной монархіи, восходящая къ древнему Египту, есть идея не духовно-мистическая, а натуралистически-магическая. Идея социальнаго порядка, основаннаго на облагодатствованной власти, и не желающая знать свободы человѣческаго духа, есть не духовный, магическій натурализмъ. И этотъ магическій натурализмъ мѣшалъ осуществленію социальнаго правды.

IV.

Нѣтъ никакихъ христіанскихъ основаній утверждать социальный оптимизмъ, оптимизмъ прогресса и цивилизаціи, свойственный «просвѣтительскому» міросозерцанію. Христіанство, --- трагично. Для христіанскаго сознанія въ историческомъ процессѣ возрастаютъ не только силы добра, но и силы зла, и будущее представляется двойственнымъ. Силы организованнаго зла въ современномъ мірѣ велики и ихъ размѣрамъ не соответствуютъ организованныя силы христіанскаго добра. Этимъ и объясняется катастрофизмъ нашего времени. Времена слащаваго, розоваго гуманизма кончились. Наступили болѣе суровыя времена, когда срываются всѣ покровы и разоблачаются всѣ реальности. Но если нѣтъ никакихъ основаній утверждать оптимизмъ прогресса, основанный въ сущности на отрицаніи свободы человѣка, то есть всѣ основанія утверждать творческую волю человѣка, реализующую полученные имъ свыше дары, осуществляющую призваніе человѣка въ мірѣ. Дары даны человѣку не только для того, чтобы онъ переживалъ ужасъ гибели, и стремился къ спасенію, но и для того, чтобы онъ участвовалъ въ Божьемъ міротвореніи и осуществлялъ призваніе дѣтей Божіихъ. Соціальное дѣйствіе христіанъ должно стоять не подъ знакомъ идеи прогресса, а подъ знакомъ идеи творчества, и это идеи совершенно разнаго порядка. Личность со-

всѣмъ не призвана служить прогрессу, т. е. превращать себя въ его орудіе. Прогрессъ безличенъ и по своимъ причинамъ и по своимъ цѣлямъ. Личность призвана реализовать, актуализировать свою творческую энергію, свои дары и свое призваніе. Осуществленіе соціальной правды совсѣмъ не есть служеніе соціальному развитію, основанному на оптимистическихъ представленіяхъ о будущемъ. Осуществленіе соціальной правды есть творческая активность личности, предполагающая свободу оцѣнокъ и избранія пути. Христіанство не есть религія личнаго спасенія, т. е. трансцендентнаго страха и эгоизма, но въ христіанствѣ все личное, все идетъ отъ личности и къ личности. Христіанское міровоззрѣніе насквозь персоналистично и этимъ создается абсолютное условіе христіанскаго отношенія къ жизни. Безликая соціальность, превращающая человѣческую личность въ свое орудіе, есть зло, и отъ безликихъ силъ нельзя ждать блага. Соціальная правда не только должна осуществляться личными усилиями, но и ея критеріемъ должна быть признана верховная цѣнность личности. Отсюда съ христіанской точки зрѣнія должны были бы имѣть особенное духовное значеніе субъективные права личности, право свободы совѣсти, свободы мысли и т. д., которыя стоятъ выше относительныхъ и преходящихъ политическихъ формъ, всегда имѣющихъ тенденцію угнетать личность и отрицать ея свободу. Христіанскій персонализмъ совсѣмъ не означаетъ отрицанія сверхличныхъ цѣнностей, безъ котораго личность лишена своего качественного содержанія. Но сверхличныя цѣнности не должны быть для личности властью безличныхъ силъ, безличныхъ коллективовъ. Сверхличныя цѣнности проходятъ черезъ духовную свободу личности и раскрываются въ ея духовной жизни. Утвержденіе верховнаго значенія духовно личнаго начала есть абсолютная предпосылка христіанскаго отношенія къ обществу и къ соціальному вопросу. Передъ христіанскимъ сознаніемъ стоитъ не только задача личнаго духовнаго устроенія и личнаго спасенія, но и задача соціальнаго творчества и соціальнаго преображенія. Но христіанскій характеръ соціальнаго творчества и соціальнаго преображенія всегда опредѣляется тѣмъ, что духовно-личное начало признается абсолютнымъ по своему значенію, съ нимъ связанъ и субъектъ соціальнаго творчества, и цѣль его. Христіанскій персонализмъ совсѣмъ, конечно, не мѣшаетъ трезво видѣть и уча-

тивать безличныя силы, дѣйствующія въ социальномъ процессѣ. Самый фактъ существованія социальной обыденности предполагаетъ существованіе безликихъ силъ, починающихъ себя личность и ея оцѣнки и дѣйствія. Но христіанскія оцѣнки и дѣйствія означаютъ протыводѣйствіе вліанію безликихъ силъ. Само христіанство въ исторіи было искажено безликими силами социальной обыденности. Но мы ищемъ выявленія чистоты христіанской совѣсти.

Какъ это ни кажется по видимости парадоксальнымъ, но истокъ христіанства исключительно какъ дѣла личнаго спасенія было результатомъ власти безликой социальной обыденности надъ личностью. Оно скрывало творческой духъ личности, внушая ужасъ вѣчной гибели. Одинъ очень православный человѣкъ выразилъ свою вѣру словами: «спасайся, кто можетъ, пролѣзай въ Царство Небесное». Такимъ образомъ создается паника и давленіе у входа. Человѣкъ готовъ давить по дорогѣ другихъ людей бы самому пролѣзть въ Царство Небесное. Это и есть трансцендентный эгоизмъ, забвеніе о томъ, что христіанство есть религія любви, и что въ Царство Небесное нельзя проникнуть, не опредѣливъ въ любви своего отношенія къ ближнимъ. Дѣло личнаго спасенія неизбежно превращается въ дѣло социального спасенія въ томъ глубинномъ, не виѣшнемъ смыслѣ слова, что оно предполагаетъ общеніе людей. Личность не можетъ себя изолировать въ дѣлѣ спасенія. Объ этомъ свидѣтельство Евангелія непреложно. Само грѣхопаденіе было предмѣрнымъ космическимъ и социальнымъ событіемъ, пала душа міра. Тѣ, которые хотятъ спастись изолированно и давить ближнихъ при входѣ въ Царство Небесное, принадлежатъ осѣвшей и кристаллизовавшейся формѣ социальной обыденности и готовы ее охранять. Но они во имя личнаго спасенія отрицаютъ социальное творчество, враждуютъ противъ осуществленія правды въ социальной жизни, перенося правду исключительно въ міръ потусторонній, въ лоскуторномъ же мірѣ смиряясь и смиряя другихъ передъ неправдой. Христіанство учитъ о трудности жизни, обусловленной грѣхомъ, о трудности стяжанія Царства Божьяго. Трудность эта есть трудъ и освященіе труда въ мірѣ. Трудъ, трудъ духовный и трудъ матеріальный, неизбежно имѣетъ социальную сторону, онъ есть сотрудничество. Трудъ предполагаетъ отношеніе человѣка къ

природѣ и человѣка къ человѣку, въ немъ человѣкъ не остается изолированнымъ. И духовный трудъ, связанный съ отношеніемъ человѣка къ Богу, требуетъ неустанныхъ усилій человѣка въ отношеніи къ природѣ и къ другимъ людямъ. Поэтому трудъ стяжанія Царства Божья есть трудъ глубоко личный и вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно социальный. Стяжаніе Царства Божьяго невозможно безъ общенія, безъ выхода личности за свои предѣлы. Личность совершенно не можетъ въ путяхъ своего спасенія не опредѣлять такъ или иначе своего отношенія къ окружающему ее міру, къ общенію съ другими людьми, къ давящей ее социальной обыденности. Если она не хочетъ опредѣлять это отношеніе положительно, то она опредѣляетъ его отрицательно, если она не хочетъ опредѣлять его творчески, то она опредѣляетъ его консервативно. Даже монастырь, въ который уходили отъ «міра», былъ явленіемъ социальнымъ, и игралъ даже значительную социальную роль, иногда роль въ высшей степени творческую. Анти-социальная и антикосмическая идея личнаго спасенія принадлежитъ упадочной эпохѣ въ христіанствѣ. Въ такой формѣ она была чужда эпохамъ героическимъ, когда личность боролась противъ власти «міра», но не строила теорій пассивнаго послушанія передъ социальной неправдой. Ужась личной гибели можетъ принять такія паническія формы, при которыхъ невозможно никакое творческое дѣло. И всякое творческое дѣло должно ослаблять паническій ужась гибели. Въ моментъ самого творческаго акта этотъ ужась не переживается, онъ отодвигается, къ другимъ моментамъ жизни. Это есть безспорная психологическая истина, которую всякій человѣкъ знаетъ по собственному опыту творчества во всѣхъ областяхъ жизни. Не только творческіе акты въ наукѣ и въ искусствѣ, въ государствѣ, въ хозяйствѣ или въ техникѣ, но и творческіе акты любви къ ближнему въ обыденной жизни освобождаютъ отъ остраго переживанія паническаго ужаса гибели. Эта сторона религіозной психологіи не была еще достаточно разработана. Очевидно, творческіе акты, личные по своему субъекту и социальные по своему объекту, ослабляютъ ужась гибели потому, что способствуютъ дѣлу личнаго спасенія. Для личнаго спасенія очень важно, чтобы человѣкъ забывалъ о себѣ во имя другихъ и другого. во имя сверхличныхъ цѣнностей соглашался душу свою погубить. Это есть парадоксъ въ личномъ духов-

номъ пути, который нельзя упрощать и рационализировать, отрицая значеніе личнаго духовнаго устройства и личной духовной жизни, какъ это пытается сдѣлать «соціальное христіанство». Соціальное христіанство мнѣ представляется заблужденіемъ, и заблужденіемъ поверхностнымъ. Призывъ къ социальной активности христіанъ, къ осуществленію социальной правды совѣмъ не означаетъ «соціального христіанства». Христіанство есть духовная, а не социальная религія, и христіанское откровеніе обращено прежде всего къ вѣчному въ личности. Соціальное же истолкованіе христіанства отдастъ все во власть времени.

Совершенно извращенной является та психологія, которая предлагаетъ ослабить и даже угасить энергію въ осуществленіи правды въ виду того, что сила грѣха и зла слишкомъ велика. Если сила грѣха и зла очень велика, то отсюда, казалось бы, слѣдуетъ сдѣлать выводъ, что энергія въ осуществленіи правды должна быть особенно напряженной. Величайшее заблужденіе думать, что нравственный актъ долженъ зависѣть отъ успѣха, отъ удачи въ побѣдѣ надъ противодѣйствующими силами зла. Это есть принципиальный этический оппортунизмъ. Нравственный актъ долженъ быть совершенъ независимо отъ того, каковы будутъ его практическіе результаты. Онъ учитывается въ нравственномъ мироустройствѣ и при видимой неудачѣ. Я долженъ творить правду, хотя бы даже предстояло въ мірѣ господство и власть неправды овладѣла бы въ будущемъ міромъ. Осуществленіе христіанства въ жизни есть творческой актъ свободы, а не приспособленія къ необходимымъ процессамъ, гарантирующимъ торжество въ будущемъ. Но иррациональность свободы дѣлаетъ возможнымъ противодѣйствіе силъ зла и неправды. Во всякомъ случаѣ можно признать этической аксіомой, что должно стремиться къ реализаціи максимальной правды въ жизни, независимо отъ того, помѣшаютъ ли силы зла и грѣха реализовать ее. Сообразованіе съ реальной социальной обстановкой распространяется лишь на социальную-относительную сторону актовъ, а не на этико-абсолютную ихъ сторону. Ссылки же на силу грѣха и зла связаны обыкновенно съ нежеланіемъ, чтобы правда осуществилась, и являются лишь прикрытіемъ этого нежеланія. Но тѣ, которые хотятъ охранять социальное зло на основаніи грѣховности человѣческой природы пусть помнятъ, что грѣхъ всегда можетъ явиться въ неожиданныхъ для нихъ и очень

невыгодныхъ для нихъ формахъ. Если они хотятъ охранять грѣхъ, кристаллизовавшійся въ капитализмъ, и признать его вѣковѣчнымъ и сообразнымъ съ человѣческой природой, то неожиданно и катастрофически явится грѣхъ въ новой формѣ и кристаллизуется себя въ коммунизмъ, и ему придется подчиниться въ виду грѣховности человѣской природы. Вѣдь и рабство защищали на томъ основаніи, что человѣческая природа грѣховна и грѣхъ непреодолимъ. Эта аргументація всегда бываетъ опасна для тѣхъ, которые къ ней прибѣгаютъ, и легко обращается противъ нихъ. Защитники пониманія христіанства, какъ дѣла личнаго спасенія, признаютъ грѣхъ всегда личнымъ, и изъ личнаго грѣха дальше выводятъ невозможность болѣе справедливаго и свободнаго социальнаго строя. Безспорно грѣхъ коренится въ той глубинѣ личнаго бытія, въ которой онъ соприкасается съ сверхличнымъ. И онъ всегда имѣетъ социальную прозѣцію. Отсюда вытекаетъ выводъ обратный тому, который дѣлаетъ теорія невозможности осуществить социальную правду въ виду грѣховности человѣческой природы. Эксплуатація есть грѣхъ. Но грѣхъ, всегда вкорененный въ глубины личнаго бытія, въ формѣ эксплуатаціи переходитъ въ явленіе социальное. Если капиталистъ эксплуатируетъ рабочихъ, то это есть грѣхъ, принявшій социальныя формы. Если носитель власти совершаетъ насилія и издѣвается надъ человѣческимъ достоинствомъ подчиненнаго ему, то это есть грѣхъ, принявшій социальныя формы. Между тѣмъ, какъ консервативная христіанская теорія думаетъ, что человѣкъ бываетъ грѣховенъ въ качествѣ какого-то отвлеченнаго частнаго существа, въ качествѣ же носителя власти или капиталиста онъ изъятъ изъ оцѣнки съ точки зрѣнія грѣха. Но человѣкъ силою и рядомъ бываетъ наиболѣе грѣшнъ въ своихъ социальныхъ функціяхъ, въ обнаруженіи похоти власти или похоти наживы. Человѣкъ пасилуетъ и эксплуатируетъ другихъ въ своихъ социальныхъ функціяхъ не потому, что вообще человѣческая природа грѣховна и что насиліе или эксплуатація неустраимы въ виду этой грѣховности, а потому что именно онъ грѣховенъ. Между тѣмъ, какъ его же готовы защищать на томъ основаніи, что все равно человѣческая природа безнадежно грѣховна. Это есть совершенно порочная аргументація. И обыкновенно она неожиданно оборачивается и начинаетъ признавать насиліе и эксплуатацію уже не продук-

томъ грѣха, а вѣчной и даже справедливой основой чело-вѣческаго общества. Нѣтъ ничего циничнѣе и безстыднѣе, чѣмъ провозглашеніе истинъ такого порядка: люди страдаютъ отъ соціалнаго строя вслѣдствіе своей грѣховности и должны съ этимъ мириться. При этомъ невозможно никакими аргументами доказать, что тѣ, которые наиболее страдаютъ отъ даннаго строя являются и наиболее грѣховными, напримѣръ, рабочіе въ капиталистическомъ строѣ или крестьяне въ крѣпостномъ хозяйствѣ, или всѣ кромѣ рабочихъ и коммунистовъ въ строѣ совѣтскомъ. Это всегда оказывается теодицеей, построенной по типу разсужденій утѣшителей Іова. Но они то, какъ извѣстно, и были осуждены Богомъ. Христіанская вѣра зоветъ каждого изъ насъ просвѣтленно переживать собственные страданія, какъ результатъ грѣха, но никого не зоветъ увеличивать чужія страданія на томъ основаніи, что они являются послѣдствіемъ грѣха. Исчислять чужіе грѣхи и устанавливать соотвѣтствующія имъ соціальные страданія есть очень низменный и нехристіанскій родъ занятій, — хотя христіанскіе лицемѣры всѣхъ вѣроисповѣданій имъ много занимались. Подлиннымъ христіанскимъ императивомъ является облегченіе чужихъ страданій, не только личныхъ, но и соціальныхъ. А это предполагаетъ борьбу съ соціальной проекціей зла.

V.

Невозможно отрицать, что христіанство переживаетъ глубокой кризисъ и вступасть въ совершенно новую эпоху. Церковь поставлена предъ соціальной дѣйствительностью еще невиданной и къ которой она еще не установила опредѣленнаго отношенія. Новое положеніе христіанской Церкви въ міръ опредѣляется съ одной стороны разрушеніемъ старыхъ отношеній Церкви и государства, безповоротнымъ повидимому крушеніемъ такъ называемаго «христіанскаго государства», съ другой стороны вступленіемъ въ историческій процессъ новыхъ соціальныхъ классовъ, которые раньше были угнетены и подавлены, теперь же обнаруживаютъ волю къ господству и преобладанію. Церковь не можетъ въ своей внутренней жизни опредѣляться какой бы то ни было соціальной обыденностью, какимъ бы то ни было состояніемъ соціальной среды, по

изъ собственной внутренней жизни она должна опредѣлять свое отношеніе къ возникающимъ социальнымъ задачамъ. А это будетъ означать преодоленіе застарѣвшаго дуализма личного и общественнаго, небеснаго и земнаго, спасающаго и творящаго. Раньше или позже церковное сознаніе должно будетъ высказаться объ отношеніи къ социальному творчеству, къ усиліямъ осуществлять правду въ социальной жизни. И заранее можно сказать, что это отношеніе, освобожденное отъ старыхъ предрасудковъ и отъ обслуживания интересовъ, ничего общаго съ христіанствомъ не имѣющихъ, будетъ сложнымъ и невыразимымъ въ простой формулѣ. Преодоленіе нестерпимаго дуализма, разрывающаго нашу жизнь, должно вѣдрить въ христіанскую жизнь психологию творчества и строительства, которая въ прошломъ была подавлена психологіей грѣха и покаянія. Эта новая психологія обнаружитъ невозможность творить и строить жизнь при исключительной сосредоточенности на грѣхѣ. Но Церковь всегда будетъ духовно бороться противъ социальныхъ движеній, которыя совѣмъ забываютъ о грѣхѣ и на этомъ забвеніи хотятъ основать свое царство. Христіанство не можетъ не привѣтствовать всякаго осуществленія правды въ социальной жизни, подлиннаго освобожденія отъ рабства, подлиннаго братства людей, социального строя, основаннаго на уваженіи къ достоинству человѣческой личности, какъ образа и подобія Божьяго. Но оно не можетъ не возставать противъ абсолютной власти и диктатуры общества, мнящаго себя носителемъ совершенства, надъ духовной жизнью человѣческой личности, въ чемъ бы эта абсолютная власть ни проявлялась, — въ неограниченномъ ли народовластіи и господствѣ массъ, въ тираніи ли общественного мнѣнія или въ новомъ социальномъ коллективѣ. Не только власть государства, но и власть общества съ христіанской точки зрѣнія ограничена и относительна. Духовная жизнь въ глубинѣ своей непроницаема не только для государства, но и для общества, для организованнаго народа. Этимъ опредѣляется сложность отношенія христіанства къ социальному движенію нашего времени, ибо движеніе это стремится не только къ социальной правдѣ, но и къ новой тираніи общества, болѣе страшной, чѣмъ старая тиранія государства. Съ христіанской точки зрѣнія всякая абсолютизація социальности, тѣхъ или иныхъ социальныхъ формъ есть ложь и духов-

ное рабство. Духъ долженъ быть раскрытъ отъ власти социальности, которая принимаетъ самыя разнообразныя формы, и свободно определить свое отношеніе къ социальному творчеству, къ осуществленію социальной правды. Парадоксъ человѣческаго существованія въ томъ, что одержимость правдой можетъ стать источникомъ неправды и лжи, одержимость свободой можетъ стать источникомъ рабства и тираніи, одержимость справедливостью можетъ творить величайшую несправедливость. Это достаточно показано во всѣхъ революціяхъ, не только въ революціи русской. Грѣхъ то внушаетъ человѣку мысль, что социальной правды осуществлять совѣмъ не нужно, то извращаетъ эту самую правду и перерождаетъ ее въ неправду.

Вотъ почему въ подлинно христіанскомъ отношеніи къ социальной жизни есть суровая трезвость, отсутствіе иллюзій и ложной мечтательности. Воля къ осуществленію правды въ жизни должна быть совершенно независима отъ оптимистическихъ или пессимистическихъ представлений о будущемъ. Никто изъ насъ не можетъ учесть силу грѣха и отнести его пребываніе къ опредѣленному лагерю, взвѣсить дѣйствіе ирраціональныхъ силъ въ социальномъ процессѣ, предвидѣть искаженія и извращенія, порожденныя злымъ направленіемъ свободы. Въ каждый моментъ правда должна осуществляться во всей полнотѣ жизни, во всей полнотѣ отношеній человѣка къ человѣку. Социальная активность христіанства не можетъ быть созданіемъ новой утопіи. Крушеніе утопіи теократической должно быть въ этомъ отношеніи поучительнымъ и предупреждать относительно будущаго. Центръ тяжести христіанскаго социального творчества лежитъ въ христіанизации жизни, а не въ созданіи плановъ и проектовъ совершеннаго социального строя. Христіанизация же жизни не можетъ быть принудительной, она предполагаетъ свободу. Царство Божіе приходитъ непримѣтно. Оно приходитъ изнутри, а не извне. Всѣ социальные утопіи имѣютъ религиозные источники и означаютъ безосознательное переживаніе хиліастическихъ упованій. Но въ социальныхъ утопіяхъ эти хиліастическія упованія секуляризованы и рационализированы. Въ нихъ обнаруживаются отрицательныя и соблазнительныя стороны хиліазма, какъ ожиданіе, что Царствіе Божіе наступитъ въ чувственномъ мірѣ, въ нашемъ времени, въ матеріальныхъ условіяхъ земной дѣй-

ствительности. Этотъ ложный хилиазмъ, осужденный церковнымъ сознаніемъ, и торжествуетъ въ социальномъ утопизмѣ. Но христіане ищутъ Царства Божьяго, и Царство Божіе приходитъ не только въ концѣ времени, но и въ каждомъ мгновеніи жизни. И въ каждомъ мгновении жизни Царство Божіе творится, создается, приходитъ. Идея Царства Божьяго, центральная для христіанства, постигается прежде всего въ перспективѣ внутренней жизни и активности духа, а не во внѣшней перспективѣ времени и социального строя. Тогда она дѣлается источникомъ творчества лучшей жизни. Христіане не могутъ не стремиться къ новой и лучшей жизни, къ радикальному перерожденію жизни. Въ этомъ смыслѣ христіанство совершенно революціонно, ибо оно устремлено къ Царству Божьему, т. е. къ жизни непохожей на нашу старую грѣшную жизнь. Но именно потому, что оно устремлено къ подлинному и радикальному перерожденію жизни, оно отличается по своему духу, по своимъ упованіямъ отъ внѣшнихъ социальныхъ революцій. Осуществленіе евангельскихъ завѣтовъ есть перерожденіе всей жизни. И тутъ мы сталкиваемся съ основной антиноміей и парадоксомъ христіанства въ вопросѣ, который насъ сейчасъ интересуетъ. Евангеліе само по себѣ не социально и социальное истолкованіе христіанства есть ложное и поверхностное истолкованіе. Если бы Евангеліе было социально, то оно было бы временно, а не вѣчно, оно не было бы для всѣхъ времени, для всѣхъ классовъ, для всѣхъ людей, каково бы ни было ихъ социальное положеніе. Евангеліе одинаково обращено къ человѣку средневѣковому и къ человѣку новаго времени, и къ человѣку времени грядущихъ, къ помѣщику и крестьянину, къ буржуа и рабочему, къ аристократу и простому человѣку, къ элліну и къ іудею, оно обращено къ глубинѣ человѣческой души, къ вѣчной основѣ въ человѣкѣ, и оно въ каждомъ пробуждаетъ образъ и подобіе Божье. Евангеліе призываетъ искать Царства Божія и правды его, но въ Евангеліи нельзя пайти начертанія какого-нибудь социального строя, ему чужды какой-либо социальный идеаль, какой-либо идеаль государственнаго устройства. Социальная формы, принадлежащія времени, предоставлены творческой активности человѣка.

Можно ли изъ Евангелія, совсѣмъ не социальнаго и не къ социальному обращеннаго, сдѣлать какіе-нибудь социальные выводы, или Евангеліе вызываетъ совершенное

соціально равнодушнѣ? Въ этомъ трудность проблемы. Это въ сущности есть проблема отношенія духовнаго къ соціальному, внутренняго къ внѣшнему, вѣчнаго къ временному. Духовное, внутреннее и вѣчное должно возвышаться надъ всѣмъ соціальнымъ, внѣшнимъ и временнымъ и должно быть абсолютно независимо отъ него. Безспорно христіанство учитъ, что перерожденіе жизни, осуществленіе правды въ жизни есть результатъ измѣненія людей, духовнаго ихъ перерожденія. Но измѣненіе людей, духовное ихъ перерожденіе, осуществленіе людьми евангельскихъ завѣтовъ, неизбежно влечетъ за собой соціальныя послѣдствія, соціальныя измѣненія, осуществленіе правды и въ жизни соціальной. И само духовное измѣненіе и перерожденіе людей невозможно понимать индивидуалистически, личность не можетъ быть изолирована въ своемъ стремленіи къ Царству Божьему и совершенству, подобному совершенству Отца Небеснаго, она неизбежно измѣняетъ и перерождаетъ общество, его первичныя клѣтки, общеніе человѣка съ человѣкомъ. Евангеліе не соціально во внѣшнемъ смыслѣ слова, но Царство Божіе метафизически соціально. И ожиданіе Царства Божьяго, Новаго Иерусалима есть и соціальное ожиданіе, хотя соціальность эта невыразима ни въ какихъ извѣстныхъ намъ соціальныхъ формахъ. Никакая самая идеальная соціальная форма не можетъ требовать себѣ монополіи быть по преимуществу и исключительно христіанской. Христіанское откровеніе о Царствѣ Божіемъ есть кризисъ и катастрофа всякой соціальной формы, есть абсолютный прерывъ во времени. Но съ точки зрѣнія абсолютныхъ духовныхъ основъ общества христіане могутъ совершать оцѣнки относительныхъ формъ общества. И вотъ они должны оцѣнивать болѣе высоко тѣ относительныя формы общества, въ которыхъ свобода духа и достоинство человѣческаго лица побѣждаютъ рабство и униженіе человѣка человѣкомъ. Христіанство отвергаетъ соблазнъ Царства міра сего. Соблазнъ этотъ былъ отвергнутъ Христомъ въ пустынѣ. Но если христіанство отвергаетъ соблазнъ рая на землѣ, то это не значитъ, что оно хочетъ ада на землѣ, какъ болѣе соответствующаго грѣховности человѣческой природы. Земная человѣческая жизнь лежитъ между адомъ и раемъ. Въ ней есть много адскаго, но не наше дѣло увеличивать эту адскость, наше дѣло уменьшить ее. Изъ того, что въ нашей грѣшной земной жизни недости-

жима абсолютная и совершенная свобода, не слѣдуетъ, что нужно стремиться къ насилию и рабству. Изъ того, что въ ней неосуществима совершенная любовь и братство людей, не слѣдуетъ, что нужно стремиться къ звѣрскимъ отношеніямъ между людьми и къ эксплуатаціи человѣка человекомъ. Изъ того, что недостижима на землѣ легкость и беззаботность райской жизни, и что человѣкъ долженъ въ потѣ лица добывать хлѣбъ свой, не слѣдуетъ, что нужно потъ этотъ сдѣлать кровавымъ и возложить на людей тяжесть и заботу непереносимую. Дѣло грѣха мѣшать осуществленію жизни болѣе просвѣтленной и болѣе соответствующей царственному назначенію человѣка въ мірѣ, — наше дѣло способствовать осуществленію такой жизни. Въ творческомъ актѣ тоже побѣждается тяжесть грѣха и въ творествѣ социальномъ должна побѣждаться тяжесть грѣха социальнаго. Существуетъ социальная кристаллизація грѣха, и ее необходимо разбивать творческими усилями. Наша христіанская совѣсть должна осуждать не только личный, но и социальный грѣхъ и стремиться къ его искупленію. Неискупленный социальный грѣхъ ведетъ къ катастрофамъ. Добро мирится съ социальнымъ грѣхомъ и зло возстаетъ противъ него. Это ведетъ къ концу цѣлыхъ историческихъ эпохъ, къ гибели цѣлыхъ цивилизацій. Мы живемъ въ одну изъ такихъ эпохъ. И она съ необычайной остротой ставитъ вопросъ объ отношеніи христіанства къ социальному творчеству и къ социальной правдѣ.

Николай Бердяевъ.